

Середина осени. Небо чистое, прозрачное, золотистый ветер приносит долгожданную прохладу — наступило самое приятное и ясное время в Шанцзине.

В этом году проведение знаменитого Банкета против инея было поручено Ишу, принцессе Чуннин, старшей и самой любимой дочери императора. Принцесса — родная сестра нынешнего наследного принца Лань Циньчана — с ранних лет обучалась у наставников Академии Ханьлинь, и её поэтический дар был широко известен при дворе. Поручить ей организацию столь важного литературного события было лучшим решением.

Банкет устроили на берегу озера Цзинцю, у загородной резиденции принцессы. Усадьба, приютившаяся среди гор и вод, пестрела изящными павильонами и террасами, а вдоль берега росли древовидные гибискусы, как раз вступившие в пору своего пышного цветения.

Среди них выделялся редкий сорт под названием Три опьянения: утром цветы распускались нежно-белыми, к полудню розовели, а к вечеру наливались глубоким багрянцем. Меняя облик трижды за день, они напоминали румянец на лице красавицы. Из-за особой погоды в этом году на одном кусте можно было увидеть цветы всех трех оттенков сразу, словно время замерло, сплетаясь в ослепительное, невероятное зрелище.

Золоченые приглашения были разосланы еще месяц назад. Гостями стали дочери знатных чиновников и еще не состоящие в браке молодые таланты. Хотя формально банкет задумывался как литературный вечер для обмена стихами, в воздухе незримо витало намерение знатных семей подыскать выгодные партии для своих детей.

С самого утра гости начали прибывать в резиденцию. К моменту, когда зажглись фонари, берег озера наполнился оживленными беседами и шелестом шелков. Благородные девицы любовались цветами или разглядывали свое отражение в воде, а молодые господа сбивались в группы, обсуждая чай и поэзию. Звуки струнных и духовых инструментов, доносившиеся из водного павильона, сливались со стрекотом осенних цикад, придавая вечеру особое очарование.

Се Линьи стояла у перил, тихо переговариваясь с сестрой и любуясь особенно причудливым гибискусом.

— Говорят, это привезенный из Наньчжао гибрид, принцесса лично приказала перенести его из оранжереи, — тихо сказала Се Линдэ. — И правда, соответствует названию Противостоящий инею: чем холоднее, тем пышнее расцветает.

Се Линьи слегка кивнула, но её взгляд незаметно скользнул по толпе.

Ли Цюн, дочь главы императорской гвардии Ли Чунчжэна, стоявшая под руку со своей кузиной Се Линцзинь, долго смотрела в их сторону. Наконец, не выдержав, она высвободила руку и направилась прямо к сестрам.

На Ли Цюн было платье из серебристого шелка с узором из пятицветных облаков, а в волосах покачивались золотые украшения с зимородком, ослепительно сверкавшие при каждом движении. Подойдя ближе, она смерила Се Линъи критическим взглядом, растянула губы в неискренней улыбке и нарочито громко, чтобы привлечь внимание окружающих, произнесла:

— Так это и есть третья барышня Се? Слышала, ты выросла в глуши на горе Юньшань, небось, впервые на таком мероприятии? — Она сделала паузу, не скрывая презрения и насмешки. — В оценке гибискусов есть свои тонкости. Если не разбираешься, то ляпнешь глупость — не только себя на смех выставишь, но и репутацию сестры Линдэ запятнаешь. Лучше держись рядом со мной, я тебя подучу, чтобы не вышло конфуза.

Се Линдэ нахмурилась, собираясь ответить, но сестра легонько потянула её за рукав.

Се Линъи вышла вперед. Сегодня она была в скромном, изящном платье цвета гусяного пуха с вышивкой магнолий, а в волосах красовалась простая белая нефритовая заколка. Несмотря на отсутствие дорогих украшений, от неё исходило спокойствие и достоинство.

— Благодарю за заботу, госпожа Ли, — мягко начала она. — Однако, на мой взгляд, главное в цветах — это не только форма и цвет, но и их дух, и характер. Взгляните на этот сорт: утренние и вечерние краски прекрасны, но их истинная ценность — в стойкости. Именно это упорство и чистота достойны нашего восхищения. Что же касается конфузов... — она на мгновение замолчала, скользнув взглядом по броским украшениям Ли Цюн, и улыбнулась чуть шире, прямо глядя в лицо собеседнице. — У каждого свой вкус и своя мера. Думаю, принцесса устроила этот банкет, чтобы найти единомышленников, а не для того, чтобы гости мерились роскошью нарядов. Если вы так стремитесь поучать других, не считаете ли вы, что знаете правила и изящество этого банкета лучше самой принцессы?

Ли Цюн, ожидавшая, что деревенская девица растеряется, была ошеломлена. Мало того, что та ответила спокойно, так ещё и обвинила её в дерзости перед принцессой! Лицо Ли Цюн залилось краской, она открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова. Смерив яростным взглядом сжавшуюся в сторонке Се Линцзинь, она под косыми взглядами окружающих в ярости развернулась и ушла.

Не успела она отойти, как из тени деревьев к ним поспешили девушки. Ду Танси, самая мягкая из них, взяла Линъи за руку и успокаивающе похлопала:

— Не обращай внимания, сестренка. Она услышала от твоей кузины Се Линцзинь, будто чиновник Се хочет выдать Линдэ за принца Ван Чэна, вот её и заела зависть.

Чжэн Юньцин добавила тише:

— Эта Ли Цюн, из-за того что её отец командует гвардией, всегда задирает нос. Стоит какой-нибудь девушке в столице привлечь к себе внимание или получить выгодное предложение, как она тут же начинает строить козни.

Чжоу Лэчжи, отличавшаяся прямотой, возмущенно нахмурилась:

— Если вам мало, я попрошу отца подать жалобу на её отца. Командир гвардии — это еще не все! Пора бы умерить её спесь.

Се Линдэ рассмеялась:

— По-моему, ты сама не менее вспыльчива.

Девушки рассмеялись, и напряжение мгновенно развеялось. Се Линъи же, глядя вслед удаляющейся Ли Цюн, задумалась: вспыльчивая, завистливая, а отец держит в руках гвардию... Возможно, это стоит использовать.

Тем временем на втором этаже павильона у воды за полупрозрачными занавесками стояла принцесса Чуннин, Лань Шуван. Она видела всё.

— А характер у Цзяоцзяо стал куда более выдержанным, она не дала себя в обиду, — улынулась принцесса, обращаясь к своей служанке Ишу.

— По-моему, госпожа Се ничуть не изменилась, — Ишу, обмакивая кисть в тушь, усмехнулась. — Её слова — это скрытый укол. А то, что она прикрылась вашим именем, госпожа, показывает, что она не позволит себя обидеть и не скажет ни одного мягкого слова в ответ на агрессию. Она стала лишь лучше скрывать свои мысли.

— Пусть так, но ей нужно было заступиться за себя, иначе потом она бы упрекнула меня в бездействии, — принцесса взяла кисть, закатала рукава, обнажив тонкие запястья, и на мгновение сосредоточилась.

Через миг на бумаге появилось стихотворение. Ишу осторожно высушила чернила и, подойдя к окну, громко объявила:

— Её Высочество сложила строки, чтобы запечатлеть сегодняшний вечер, и приглашает талантов ответить тем же.

Её чистый голос разнесся над садом:

Гибискус Три опьянения не чета другим цветам,

Зачем ему весенний свет, чтобы красоту явить?

Сквозь снег ночной лепестки пробились к небесам,

И в иное осеннее готовы гордо жить.

Неведом миру аромат, что в холоде рожден,
К чему судить о сути тем, чей взгляд лишь пылью полн?
Истинный дух в людях есть, не в роскоши дворцов,
А в тех, кто стоек и чист, не зная сладких снов.

Когда стих стих, в саду воцарилась тишина. Се Линъи улыбнулась: принцесса не только поддержала её, но и тонко высмеяла тех, кто ценит лишь внешнее богатство.

В этот момент с площадки раздался уверенный мужской голос — кто-то читал ответные строки:

Кто молвил, что у трав нет гордого нутра?
Гибискус Три опьянения — солнца яркий блик.
Холодная краса верна себе с утра,
Зачем ей шелк и парча, если дух велик?
В снегах не сменит цвет, в ветрах — лишь книжный свет,
Коль верность государю — души моей завет,
Зачем в садах богатых искать весенний след?

Стихотворение было исполнено высокого духа, связывая стойкость цветка с амбициями талантов, служащих государю. Се Линдэ наклонилась к уху сестры и прошептала:

— Это чиновник Цзян Юань. Говорят, он вырос сиротой, но добился успеха и пользуется большим доверием императора.

Се Линъи посмотрела на мужчину. Он стоял у павильона в простом темно-синем халате, но его осанка выдавала скрытую гордость.

— Запиши стихи господина Цзяна, — распорядилась принцесса, в чьем голосе слышалось явное одобрение. — Наградить его кувшином вина Саньлэцзян и нефритовым кубком.

Внизу евнух огласил награду. Цзян Юань не спеша повернулся к павильону, сложил руки в поклоне — уважительно, но без лести. В каждом его движении чувствовалась мера.